

Иван САВЕЛЬЕВ

...А ВЕЛИКИЙ-ТО ХОДИТ РЯДОМ

У великих поэтов есть одно непереносимое качество – их поэтическое Слово возникает, на первый взгляд, из ничего, из пустоты, – оно рождается в такой ситуации, когда обычный поэт даже и не подумает, что тут может возникнуть что-нибудь стоящее, – да он даже и представить себе не может, что тут есть место для поэзии. И он будет ждать такого момента, когда душа его не может не откликнуться на совершившийся факт, ибо слишком ярким лучом неожиданного и неординарного события войдёт в неё жизнь. И он возьмётся за перо и может создать что-то приличное. Но, увы, в жизни такие события происходят не каждый день, и поэт ждёт его, чтобы родились приличные стихи, и ожидание это бывает не напрасным.

Так происходит с поэтом рядовым, великий же поэт – сам событие и неожиданность, посему он и не ждёт никаких событий, – они сами непрерывно рождаются в его душе, – подчеркнут ещё раз, именно непрерывно и неизбежно, – желает он этого или нет, и эта неизбежность будто сама выплывает из его души неожиданные поэтические строки, которым обеспечена вечная жизнь

К таким великим поэтам принадлежит Иван Переверзин, о чём говорят его новые стихи, кои он написал в один день, как говорится, в один присест и которые он прочёл мне при нашей встрече.

Это подтвердило мои прежние наблюдения – у Ивана Переверзина стихи рождаются постоянно, может быть, и помимо его воли, и стихи его становятся явлением в современной русской поэзии. Несведущий человек только разводит руками: как можно за такой короткий срок написать такие стихи, кои так входят в его читательскую душу, что ему кажется, будто стихи эти он знает с давних-давних пор.

И он прав, ведь пушкинское «Я помню чудное мгновенье...» живёт в его душе изначально, и мы даже не можем себе представить, что этой великой строки, как и всего стихотворения в целом, когда-то не было.

В этих своих раздумьях о поэзии Ивана Переверзина я буду говорить только о нескольких стихотворениях Поэта, написанных им в один день, среди которых главным мне представляется стихотворение «Мандельштам».

Совпало так, что, говоря о русской поэзии первой половины двадцатого столетия, мы вспомнили стихи репрессированных поэтов – Павла Васильева. Бориса Корнилова и, разумеется, Осипа Мандельштама.

И мы, конечно же, не могли не вспомнить его стихотворения об отце народов, которое я привожу здесь полностью, ибо оно этого заслуживает:

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.
А где хватит на полразговорца –
Там припомним кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища.
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб,
кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

Прослушав это стихотворение, Иван Переверзин, – конечно же, он его знал, – немало помолчав, произнёс:

– Гениальные стихи, но дело не в их совершенстве. А в том, мужестве смелости, что он бросил в глаза Сталину. Напомню,

что стихи эти были написаны в 1933-м году. Шёл пятый год так называемого великого перелома, который объявил Сталин, – с него и начался перелом хребта русско-крестьянства. Отец народов объявил насильственную коллективизацию. Всех крестьян загнали в сталинские колхозы, а несогласных отправляли за Урал, как родителей твоего, Кузьмич, великого земляка Александра Трифоновича Твардовского. А что же Осип Эмильевич? В его защиту Анна Ахматова написала письмо, которое подписали выдающиеся советские литераторы, и Сталину ничего не оставалось, как начертать резолюцию: «Изгнать, но сохранить». Так Мандельштам оказался в Воронеже. А когда грянул разгромный 37-й, Мандельштам сослали во Владивосток, где он, слабый здоровьем, ушёл из жизни в 1938-м году.



Наступило тягостное молчание, после чего Иван Переверзин сказал:

– Я прочту тебе своё стихотворение «Мандельштам», которое, как ты понимаешь, я не мог не написать:

На стих бунтарский потянуло –
и вспомнилось, что он, поэт,
восставший навсегда из гула
невиданно расстрельных лет.

Да и моя судьба страданьем,
зло рвущим сердце на разрыв,
во многом сходится с метаньем,
в котором жил он, чудом жив.

Я погрузился в чтение строчек,
где и огонь, и свет и тьма, –
как будто становились ночью,
но яркой, словно всплеск ума...

Они пронзали болью сердце,
сильней, чем половцев копьё,
ну, словно я добыл бессмертье,
да, как в насмешку, не своё...

И всё же не расслышал небо,
чтоб вызов бросить подлецам...
Лишь слёзы муки, слёзы гнева
текли, как магма, по щекам.

Как здесь всё пронзительно точно, какой надо иметь дар, чтобы чрез столетие пережить душой драму поэта-мученика, – какой образный строй в каждой строке, – собственно, именно благодаря уникальной образности и создал Иван Переверзин зримый образ – негленно-вечный – уничтоженного поэта. Да одно это стихотворение о Мандельштаме вознесло страни-

критиков. Но их, увы, в наши дни я что-то не встречал, – ведь даже предисловие к четырёхтомнику Мандельштама написал Глеб Струве, а не какой-нибудь из знаменитых советских критиков, которые семьдесят лет кричали о «связи времён», словно не замечая той кровавой связи, коей связал величайший тиран Страны Советов несколько поколений советских людей.

Глеб Струве, живший в 1964-1967-м годах в Лондоне, открыл свою статью строками Мандельштама:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

Иван Переверзин заглянул в кровавые зрачки этого века, проявив себя истинным

что, как ловелас, не брэнчал на гитаре,
но строил для милой из песен причал.
И вот уже бьют в него времени волны,
лишь мощным ветрам

откровенно покорны,
за жизнь их не мучает яростный страх...
Ну, вот и добро, ибо стану похожим
на них в дни страданий,
что горше и строже
лишь будут у вечных небес на глазах...

Всё в этих двенадцати строках – совершенство, и главное – ключевая мысль в строке: «как будто не день, а столетье молчал» – в ней, этой мысли, вся суть творческой позиции поэта, ибо уплотнить время одного дня до столетия может только истинный гений, который понимает душой, что только такое уплотнение – на грани разрыва сердца – и рождает великие стихи.

Большая цена – неизмеримо огромная! – но и ответ равнозначен, – ведь наш нынешний читатель способен отличить стихи посредственные от великих, потому и пропускает мимо себя критические статьи, в которых правды – ни на грош. Да и как может критик – за редким исключением – дать истинную оценку стихам поэта, если он сам не написал ни одного стихотворения?

Да никак. Даже великий Белинский – единственный за два столетия настоящий критик – написал о Пушкине бледнее, чем Гоголь, ибо если Белинский делал взгляд на русскую литературу извне, то Гоголь делал это изнутри – из самой литературы, а это, говоря словами нашего национального гения, «вещи несовместные».

Не это ли уплотнение времени и позволило Ивану Переверзину в одночасье написать такие разные стихи – от гениального «Мандельштам» до уже процитированного выше «На светлую радость, на чёрную зависть...», как, собственно, и другие такие же совершенные стихи, – оно, только оно, посему и веришь признанию поэта:

«Удалось бы дожить до старости», –
вдруг сказал я – и понял, что
за плечами без всякой малости
набралось аж годочков сто.

И тут снова уплотнение времени, которое даёт поэту возможность быть оптимистом, хотя социальные беды окружают его со всех сторон, коих как истинный Поэт он как бы и не замечает, чтобы не печалиться и так уже до доньшка опечаленную душу своих читателей из российской глубинки, и он пишет стихи – через горечь потерь! – дающие читателю подышать воздухом оптимизма:

Живу под неумолчный шум колёс
несущихся машин по магистрали...
Как будто жизнь надумала до слёз
с годами довести меня в печали.

Оглохнуть бы и, как Бетховен, жить,
лишь музыку души счастливо слыша,
Да так, что и в веках не позабыть
и становиться молодой и выше.

Но шум машин. Конечно, не беда...
Я просто чересчур сгущаю краски,
которыми пишу судьбу всегда,
как ощущение грозной развязки.

Пусть будет жизнь, какая есть теперь, –
достанет мне навек любви и чести,
ведь даже ледяную боль потерь
назначено нам пересилить вместе.

Ощущение грозной разлуки опять же приводит поэта от уплотнения времени, – парадоксально, но и в безвыходных ситуациях, которые постоянно наступают каждого человека, поэт находит выход, – и приходит к нему как спасение та самая светлая любовь в дни душевной печали –

На светлую радость, на чёрную зависть
стихи в одночасье душой написались,
как будто не день, а столетье молчал!
От века судьбе я сполна благодарен.